

Алексей МАШЕВСКИЙ

Жизнь

АЛЕКСЕЙ МАШЕВСКИЙ

ЖИВОЕ

Санкт-Петербург
2017

ББК 84(2Рос)-5
М38

Машевский А.

ЖИВОЕ. — СПб.: «Издательско-полиграфическая
компания «КОСТА», 2017. — 112 с.

ISBN 978-5-91258-364-3

Книга выпущена при поддержке ком-
пании «Брусника».

В оформлении обложки использован
рисунок В. П. Паршикова.

ISBN 978-5-91258-364-3

© А. Машевский, 2017

© ИПК «КОСТА», оформление, 2017

I

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ РУСАКОВА

1.

Вот опять, прежде чем дозвониться,
Собираешься с силами. Что ж...
Дома? Или же снова больница?
В каждом слове тревожная ложь.

Потому что не спросишь: ну как там,
У жерла, уводящего в ночь?
И кому тут сочувствием, тактом,
Сожалением сможешь помочь?

Не ему, чьи не дни, так недели
Сочтены. Никакого *потом*.
Все расспросы уже надоели,
Потому что они не о том.

А о чем? Как уныло и худо?
Что ни смысла, ни повода нет?
И звучит равнодушно оттуда
Протокольно-поспешный ответ.

2.

В последний день тогда в Афинах, сколько было
Надежд на то, что жизнь еще покажет нам
Все чудеса свои: Италия манила,
Вздыхался пироскаф, бегущий по волнам.

Но рок, как и ему, тебе сулил Элизий,
Но не земной, увы, а тот, куда потом
Все чередой уйдем от жизненных коллизий,
Чтоб вечностью дышать полуоткрытым ртом.

Не странно ли, что мне Ливурны башен жалко,
Оставшихся в краю, куда возврата нет.
Зачем ты не дала совет, судьба-гадалка,
На пироскаф мечты не покупать билет!

3.

Бродили вместе по Афинам —
Сыр, хлеб, вино недорогое.
Недолгие сушила дни нам
Фортуна счастья и покоя,

Чтоб напоследок мы успели
На мир сверкавший обернуться,
К всечеловеческой купели
С благоговеньем прикоснуться.

И плиты мрамора, и маки,
Алеющие над Агорой,
Как оказалось, были знаки,
Предвестники разлуки скорой.

Пока колонн застывших мимо
Мы шли (всё урны да надгробья),
На нас неслышно и незримо
Судьба взирала исподлобья.

4.

Если свидеться снова, то только в Афинах:
В померанцевых рощах созрели плоды,
В море волны крутые, как спины дельфинов,
В небе солнечных стрел огневые следы.

Хорошо, что мы заживо здесь побывали,
Что Акрополь над нами, как лебедь, проплыл,
Что и в сне непробудном забудем едва ли
Шелест белых, победно-ликующих крыл.

Всех богов, что ушли на покой и уснули,
Всех героев, чей скован улыбкою рот,
Лирник Гиперборей и Ультима Туле
Своей песней последнюю здесь помянет.

5.

Вот, значит, как. Вот, значит, это как...
Приглядывайся к опыту чужому
Слепого погружения во мрак,
К последнему и, в общем, небольшому

Пути. Все буднично. И в жизни ты ходил
Дорогами куда длиннее, круче...
Ну, правда, возраст, правда, меньше сил,
И хлопоты бессмысленно-тягучи,

И униженья привкус сладковат
Врачам перепорученного тела,
И блеклый свет от лампы в сорок ватт,
И простыня, что так бесстыдно-бела.

Но, в сущности, все, что хотят от нас,
Не так уж трудно: тех, кто остается
Здесь, не пугать, не трогать лишний раз.
И эта малость мужеством зовется.

* * *

Что добавилось к знанию юности: *ты умрешь*,
Ты когда-нибудь перестанешь ходить и ждать,
Потому что мечта любая — в конечном итоге ложь,
И ничем ее не приблизить, не оправдать?

Так банально! Одни и те же слова, одни —
Повторюсь — и те же, известен итог любой.
Что ж тогда случилось? — Да просто настали дни,
Когда это, все это, все это теперь с тобой.

Я лежу в постели, и утро вливает свет
Сквозь окно распахнутое, сквозняка струя.
Что с задачей делать, в которой тебе ответ
Хорошо и давно известен — не знаю я.

* * *

Там, в памяти моей еще живут миры,
Еще горят огни, которых нет давно,
И голоса звучат дворовой детворы,
И ленты мельтешат советского кино.

Но только ли они? — А как же смутный гул
Всех канувших веков, всех сочиненных строк!
Я Канту подвигал тяжелый старый стул,
И с Гамлетом в толпе я не был одинок.

Сквозь тьму пустынных вод, загубленных времен
Той памяти живой еще плывет ковчег.
К неведомой земле он тайно устремлен,
Где все, что есть во мне, останется навек.

* * *

Видишь: жизнь и смерть в одном флаконе,
Как сулил нам тот рекламный бренд.
Ап — и сувениром на ладони
Мой нерукотворный монумент.

Не фетиш ли Эйфелевой башни —
Всех размеров и на вкус любой?
Нет уж, заводите с бессмертьем шашни
Может только глупый да слепой.

Я не весь умру, не весь, я знаю,
Потому что будет течь река,
Потому что к западному краю
Побегут по небу облака,

Потому что в августе закатом
Будет снова тихий лес объят,
Потому что мир мне этот братом
Был и я любил его как брат.

* * *

Я сидел и смотрел, как колышет кроной
Тополь, листьями на ветру
Шелестя, серебряный и зеленый,
В алых пятнах солнечных поутру.

Он хватался за пустоту ветвями,
Рвался прочь и с места сойти не мог,
Заключенный словно в воздушной яме —
Сгусток жалоб, сетований, тревог.

А листва кипела и трепетала.
Но был глух к мольбам (он всегда таков)
Небосвод, лоскутное одеяло
Расстилая перистых облаков.

* * *

Уснуть — и видеть сны?.. Напрасные сомненья:
И там еще терзать кошмарами! — зачем?!
Грехи все прощены, все сняты обвиненья,
Лежи себе и спи, спокоен, глух и нем.

Да и при жизни мы не в забытьи ли были? —
И сны вторгались в явь, как в море паруса.
Куда же плыли мы и наконец приплыли?
Протри свои навек закрытые глаза!

И если ничего ты не увидишь даже,
Склонившись, отдохни — окончен долгий путь.
Все горести свои, терзания, пропажи
Поведай Пустоте великой — и забудь.

* * *

Все, о чем мы грезим за пределом
Бытия, нам нужно здесь — не там.
Как восстать из мертвых грешным телом,
Агнцами пристать к Его стадам?

Честно говоря, мне думать даже
Не хватает юмора и сил:
Что, у райских врат стоят на страже
Симон-Петр, архангел Михаил?

Перед этой тайной без возврата
Тщетен пыл фантазии земной.
Нас когда-то заберут куда-то...
Только руку держишь: ты со мной?

Что сказать? И я был тоже молод
И мечтал надежду обрести...
Есть лишь ярких звезд далекий холод,
Есть лишь с губ последнее прости.

II

* * *

Манит начало обещанием
Того, чего не будет, нет...
Теперь мы связаны прощанием
С надеждами ушедших лет.

Но только с ними, безнадежными,
И можно было выжить тут,
Сверяясь с признаками ложными,
Что любят, веруют, спасут.

Нет, не спасут... Чудес послушливых
У нас отныне недород.
И в обстоятельствах удушливых
Ты экономишь кислород.

И учишься без сожаления
Припоминать былые дни. —
Для будущих преодоления
Сгодятся, может быть, они.

* * *

Просто выговориться дай!
Успокоюсь, засну к утру.
Посмотри, занавески край
Чуть колыхнется на ветру.

А за окнами облака
Тяжелят ночной небосвод.
Подожди, я еще пока
Помню все, что случилось, — вот...

Запах свежий сырой земли,
Листья, сбившиеся в комок.
Понимаешь, мы не смогли...
Да и кто бы, счастливый, смог,

Да и кто бы осуществил
После всех-то надежд, утрат?..
Холод мокрых ночных перил,
Обступающий черный сад.

* * *

Как любить? Уважать? — Ну, допустим, жалеть...
Но любить-то как их, научи!
Мне тоски этой внутренней не одолеть,
Не найти к пониманью ключи.

Может быть, это так я себя не могу
Ни простить до конца, ни принять?
Нужно щеку другую подставить врагу.—
Это что! Как презренья унять?

Без любви ты всего лишь звенящая медь
И натужно гремящий кимвал.
Расскажи, как забрезживший свет разглядеть
В том, кто подличал и предавал?

Лишь с какой-то неведомой мне вышины
Тебе видно, что все мы равны.
Но любви и сочувствия нет у вины
К тем, кто столь же ослеплены.

* * *

Вот Фет или Кузмин умели воскрешать
Возлюбленных своих через года разлуки.
Ты в памяти моей опять бы мог дышать,
Смеяться, пожимать протянутые руки.

И ты, и те, кого еще не скрыла мгла,
Но развела судьба со мною, дав свободу...
Душа б хоть целый мир восстановить могла,
Да стоит ли входить в одну и ту же воду?

И если вспоминать, то всех, и тех, поверь,
Кого любил и знал чрез голову столетий.
Хотя они как раз со мною и теперь,
Не то, что — эти.

* * *

Вине с виной не подружиться,
Увы, — друг друга не простить:
Томящаяся в клетке птица,
Которую не отпустить.

А помнишь легкий тот обычай,
День всепрощения весной,
Полет освобожденный птичий,
И словно ты — уже иной.

Вот-вот: нам не дает покоя
То, что не отпустили мы.
Раскаяние никакое
Не вызволяет из тюрьмы,

Пока хоть что-то остается
У прошлой горести в плену.
Иди же с Богом! Сердце бьется,
И я его не обману.

* * *

Счастливая способность забывать
Мне свойственна — что имена, что даты...
И призраки, когда ложусь в кровать
(Ты виноват, они ли виноваты

Перед тобой), — не мучают. Ни слов
Обиды, ни любви, что одурачит,
Не помню. Словно время под покров
Свой от меня то, что не нужно, прячет.

А где-то сохраняются, поди,
Все горести мечты, все заблужденья
Души. Но что до них сейчас! — Гляди
В окно на облаков перерожденья.

Ты и не смог бы жить, нагружен той
Памятью бескрайней снов и яви.
Лишь Он, отягощенный полнотой,
Все знать о нас, за нас все помнить вправе.

* * *

Если б это мелькание дней
Продолжаться и дальше могло,
Как скольжение по насту саней,
Как попытки осы сквозь стекло

Пролететь, как мерцающих фаз
Смена в небе холодной луны,
Как все то, что случилось до нас
И ушло в непробудные сны,

Если б в силах мы были не ждать,
Не бояться, в себе не хранить
То, что нам суждено испытать, —
Просто жить, просто, вытянув нить

И держась за нее, не спеша
Выбираться из мрака на свет,
Если б нас уводила душа
В край нездешний, которого нет...

* * *

Можно писать — и не писать,
Жить — или же не жить.
Видишь ли, нечего нам спасать,
Некуда дальше плыть.

В лодочке утлой скользя Земли
По океану тьмы,
Только одно осознать смогли:
Как беззащитны мы.

Жизни возникшей слепой курьез,
Разума слабый всплеск.
Там нескончаемых звездных слез
Мертворожденный блеск,

Там спрессовались огни эпох
Всех от начала дней.
Вечности вечный искус, подвох —
Мы утонули в ней.

* * *

Не холодней, скорее, тише
Теперь любовь. Сквозь сон едва
Ты слышишь, как стучит по крыше
Дождь... Сколько будет дважды два? —

Всегда четыре.
Чем без чуда,
Без розовых туманов грез
Нам предлагает жизнь-зануда
Себя занять? — Пустой вопрос.

В той уже ясной перспективе
К черте торопящихся дней
У нас лишь прошлое в активе —
И, значит, надо быть скромней.

Но каждый миг перед разлукой
Счастливой нежною тоской
Преображен. Томивший скукой
Теперь лишь радуется покою.

* * *

Ах, когда на душе, на душе покой,
Словно птица парит над ней,
Словно Он прикоснулся своей рукой,
Все точнее видишь, верней,

Ибо морок дел, празднословья чад
От нее отслоился весь.
Только музыки звуки в тебе звучат,
А не гнев, раздраженье, спесь.

Опыт счастья все-таки нужен нам.
Мир, объятья свои раскрыв,
Как бы напоминает по временам:
Ты же жив еще, еще жив!

И любовь, что где-то ждала в тени,
Свой зеленый не сводит взгляд,
И горящие в небе ночном огни
Этот миг невозможный длят.

* * *

Только то, что исчезнет, и можно любить,
Ценно только лишь то, что умрет,
Словно солнце, уставшее в небе светить,
Словно утром растаявший лед.

У живого есть непреходящая власть
Смерть с любовью навечно сопрячь.
Разве может когда-то куда-то пропасть
Поцелуй, что так прян и горяч?

Только переходящим за смертную грань
Странный опыт дарован иной.
Ты своей мое сердце *невечностью* рань,
Чтоб навеки остаться со мной!

* * *

Все-таки через тринадцать лет
Свидетелья удалось...
С тем, чего, кажется, больше нет,
Ах, как давно мы врозь!

Просто тогда (отмотай назад
Узкую ленту дней)
Я не успел изумленный взгляд
В мир погрузить теней,

Мир, что, на фресках сияя, спит
В дивной капелле там:
Ева, рыдающая навзрыд,
Скорчившийся Адам,

И исцеляющий горемык
Тенью своей святой,
И устрашающий чуда миг
С рыбой и платой той.

Как я тогда бы на них смотрел?
Как я смотрю теперь?
Ангел, снопы рассыпая стрел,
В прошлое запер дверь.

Что это было со мной тогда? —
Поздней надежды страсть? —
Нет! Безответной любви беда? —
Нет!.. И нельзя совпасть...

* * *

Иногда мне снятся иные дали:
Как несбыточное сбылось,
Как, узнав друг друга, мы всё узнали —
И не надо столетья врозь...

Суррогатной жизни ее подвохи
Чувств простим. Разве каждый сбой
Сердца, неба сполохи, ветра вздохи
Не сводили меня с тобой?

Потому-то и флейты далекий голос
Всё настойчивей, всё нежней,
Что реальность, кажется, прокололась,
Но мы встретимся там — за ней.

III

* * *

Человек встает, чистить зубы идет, зевая,
Торопливо ест бутерброды, пьет кофе, в восемь
Из подъезда выходит, зонтик не забывая,
А его уже поджидает с порога осень.

Он идет к остановке маршрутки, перебирая
В голове дела, нащупывает мобильник,
Бормоча про себя: «Черт, совсем позабыл вчера я...»
В это время сквозь пелену проглядывает светильник

Солнца, и загорается каждый куст по дороге алым,
Жмущиеся к тротуару деревья сжигают кроны,
Снова, если к нему приглядеться, покажется небывалым
Город: придвинутые фасады, толкающиеся балконы...

Но человеку не до того. Он боится встречи
С тем, что оставил вчера, оставил опять, как было.
Он поправляет куртку, сутуля плечи,
И на часы поглядывает уныло.

На остановке стоя в очереди короткой,
Думает: «Закурить? — Нет, уже садиться!»
Туча над ним проплывает огромной лодкой,
Пока он считает мелочь, и пролетает птица.

И только уже на работе, вытащив все бумаги
И подойдя к окну, замешкавшись ненадолго,
Вдруг за мельчайшей сеткой осенней влаги
Видит весь этот день в его совершенстве строгом.

* * *

Что за мрак на улице, боже мой,
После солнечных двух-трех дней,
Словно мир уже поглощен зимой,
Словно время пришло теней!

Сквозь подбрюшье влажное низких туч
Свет просачивается едва.
Даже самый воздух тягуч, дремуч —
Так и плавай в нем, как плотва.

И вообще мы рыбы, живем на дне
Атмосферы, ее зыбей,
Вот и плещется океан в окне,
И конек морской — воробей.

И каких тут чудищ не встретишь, из
Дома выйдя, глотая смог,
Ориентиры утратив — где верх, где низ —
Рук ослабших не чуя, ног!

* * *

Гречишные поля, а дальше, в Барнауле —
Ни облачка, но дождь с лазоревых небес...
Здесь все мои дела, все мысли потонули
В скольжении минут, свой потерявших вес.

Когда ты далеко, так далеко от дома,
За тысячи км, пролистанных спеша,
Жизнь, кажется, опять едва тебе знакома,
Как женщина в окне второго этажа.

И золушка-душа в дороге отдохнула,
И новых тайных слов ты ждешь, и новых лиц,
Пусть не иных миров, а только Барнаула,
Нежданно и легко раздвинутых границ.

БИЙСК

Ивану Образцову

Не голуби, а коршуны парят
Над городом, и, устремляя взгляд
В безоблачное, блекло-голубое,
Пустое небо, небо-тишину,
Ты словно сам в себе идешь ко дну,
Как бы сдаешься сам себе без боя.

От рюмки водки чуть заиндевел,
Идешь по пыльным улицам. Дерев
Проглянут кроны в неопрятном сквере.
Нетороплив провинциальный быт:
Здесь все еще предаться норовит
Наш человек любви-надежде-вере.

Окраина размашистой страны...
Кому, скажи на милость, мы нужны
С мечтой своей, замызанной судьбою
Да пьяной болтовнею на троих?
Едва сюда добравшийся затих
Двадцатый век. И где же мы с тобою?..

* * *

Никуда не спешить, чтоб с собою совпасть,
Чтоб собою побыть наконец,
Днем гулять, отославшись, как водится, всласть,
И безделья сосать леденец.

Как бы сделать, чтоб время ослабило свой
Безнадежный медвежий нажим,
Чтоб легко и свободно вели за собой
Дни, а ты бы им не был чужим?

Чтобы можно, помедлив, минуте сказать:
«Подожди меня, рядом постой!»
Чтоб неспешно обдумав, читать и писать,
И себя не корить за простой,

Чтобы вечером, глядя на меркнувший свод,
Ни о чем, ни о чем не жалеть
И однажды, шагнув без опаски вперед,
Просто, тихо, легко умереть!

* * *

Спящая красавица проснется,
Потому что ей настанет срок.
Принц почти случайно подвернется,
Заплутав в сплетении дорог.

А его обступит замок спящий,
Тишина, проникший в ставни луч,
Нежно паутину золотящий,
Запах пыли, горек и летуч.

И когда, подняв тяжелый полог,
Весь в прошивках серебристых струй,
Он увидит ту, чей сон так долог,
Лик так ясен... Лучше не целуй!

Не тобой, припавшим к изголовью,
Будет к жизни призвана она,
Это ты войдешь, пронзен любовью
Навсегда в глухую грезу сна.

* * *

Может быть, просто должен тянуться звук?
Ни для чего... Затем, что еще есть голос...
Даже честнее, когда пустота вокруг.
Веретеном красавица укололась.

Что ж, убедись на практике: жизнь есть сон,
Не расколдует нас Голубая фея,
Ибо стихи — тот же шелест осенних крон
Над окровавленной головой Орфея,

Ибо душа впадает в анабиоз —
Не поцелует принц ее, и не надо,
Ибо надолго в ледовую корку врос
Голос живой, своего не меняя лада.

* * *

Вот и пережили мы книгу,
На глазах целый мир померк,
Не готовый к такому сдвигу,
До свидания, Гуттенберг!

Текст растаял, как снег весной:
Речи лужи, потоки сплошь.
И за лентою новостною —
Вся в наушниках молодежь.

Что ж, когда-то уже так было:
Голос царствовал, правил звук,
Правда, каменное рубило
(Не мобильник) касалось рук,

Доносилось не караоке,
А парфений или пеан.
Может, просто настали сроки —
Завершается балаган?

* * *

В. П. Паршикову

Так волнуют рисунки эти —
И не объяснить, почему...
Разве дело в зеленом цвете,
В желтом, вторящем вдруг ему,

Словно нежная длится нота,
В том, как тени легли дерев?
Или в том, что мы любим что-то
Даже, может быть, умерев?

Вот об этом: что нечто длится
За границую бытия.
Краске, слову дано пробиться
В область, где невозможен я

С диабетом своим, с тревогой,
Что не справлюсь уже, что стар.
Только взглядом ее потрогай,
Унеси, как пчела нектар!

* * *

Ему, в сущности, нечего нам сказать —
Уже сказано все давно.
Чудеса как фокусы показать?
Воду вновь превратить в вино?

Скорбно, сдержанно небеса молчат,
Как ни молишься: «Хоть шепни!»
Но не дед Мазай он спасать «зайчат»,
Раз отвергли Бога они.

Не спасти спасенных... Еще один
Дубль? — Простите, Он что — хушрук?
Ты же знал, Всеведущ и Триедин,
Тщетность этих голгофских мук!

Ты же знал... Но должное быть должно
Не затем и не потому..
Лишь тогда превратится вода в вино,
Мертвый Лазарь раздвинет тьму.

МАТЬ ТЕРЕЗА

Милосердное сердце не ищет причин,
Потому что их нет — ни одной
В нашем маленьком мире больших величин
И тщеты, и корысти земной.

Эти дети с лейкозом умрут все равно,
Наркоман в вену вколет иглу,
Не прозреть потерявшему душу давно
И не сделаться праведным злу.

Бесполезно кормить, согревать, врачевать
И прощать — каждый в мире раним,
Бесполезно именье свое раздавать
И идти безоглядно за Ним.

Бесполезно... Но что тебе польза, когда
Рядом с нею страданье и смрад,
И душа застывает твоя от стыда,
И за Господом сходишь во ад!

IV

РИМ

* * *

Здесь прошлое себя забыть
Не может, но и настоящим
Не в силах стать. А значит, быть
Все тем же Янусом, глядящим

Назад или куда-то вдаль,
Но только не на то, что рядом,
Ты обречен. Цветет миндаль,
И небо смотрит долгим взглядом.

А в центре вырытый, как труп,
Блестит костей камнями форум.
И шепот чьих-то мертвых губ
Мешает нашим разговорам.

Он, с ветром слившись, все бубнит
О вечной славе, о позоре.
И спрятан, кажется, магнит
В слепом античных статуй взоре.

* * *

Рим с его тридцатью веками
Обступает со всех сторон.
Что ж, касайся камней руками,
По которым ступал Нерон.

И в разгар отпускных сезонов
(Лангобардских, туристских орд)
Прорастает сквозь писк клаксонов
Лязг железных его когорт.

И не в том ли, скажи, причина
Распрей, страхов, обвалов, зол,
Что свой заговор Кателина
Все еще до конца не сплел?

И история волчьим воем
Переполнилась до конца? —
Позолота не сходит слоем
С императорского лица.

* * *

Твой конь подустал, как и всадник,
Но гордо везет седока:
Истории сумрачный задник,
Подъятая вяло рука...

И кесарь, конечно же, знает,
Что сил нехватит ему,
Но, бронзовый, не умирает,
Все вглядывается во тьму.

Разбиты давно маркоманы,
Но не удержали границ
Те, кто завоевывал страны
И в складках тонул багряниц.

И славе великой и силе
Дан непродолжительный срок.
Столетия смутные плыли,
И люди, конечно, забыли,
Кто царственный этот ездок.

Садилась времен паутина...
Курьез императора спас:
Сочли его за Константина
И тем сохранили до нас.

* * *

Не соблазненные ни роскошью, ни славой
(Мне воин сумрачный или прелат лукавый
Равно чужды), входили, присмирив,
Под храмов дремлющих магические своды,
И обступали нас в сияньи хороводы
Мужей возвышенных и непорочных дев.

В мерцаньи золотом косых лучей скользящих
По граням смальт цветных, то тусклых, то горящих,
Свивался полумрак прохладный за спиной.
И что-то изнутри, как вон из клетки птица,
Рвалось туда, наверх, чтоб наконец пробиться
К неведомой нам тут реальности иной.

А что, ты думал, Бог? — Лишь этот взгляд со свода:
До самой глубины, до твоего ухода
Не отпускающий... под золотым дождем.
Там где-то, где потом мы встретимся. Свобода
От самого себя, от мира... Подождем!

* * *

Они там, они там в полумраке,
В чешуе пламенеющих смальт.
Мир — снаружи: дворцы и бараки,
Тибр оливковый, серый асфальт.

И не то, чтобы мне не хватало
Красок, запахов римской весны,
Чашки кофе, музейного зала,
Но гнетут безымянные сны.

А святых золотистые нимбы —
Это шлемы скафандров? — Ответь!

В нескончаемом космосе им бы
Вечно к звездам предвечным лететь.

Впрочем, вот же — мозаики чудо:
Взгляд из купола неотвратим. —
Они там уже, там и оттуда
Соблазняют тебя: полетим!

* * *

Санта-Мария-сопра-Минерва...
Снова искать по карманам евро,
Чтобы в капелле зажегся свет.
Сны твои яркие, Филиппино!..
Тьма налипает на них, как глина,
И понимаешь: спасенья нет.

Екатерины Сиенской мощи
Всеевропейской грядущей ночи
Не отвратят, потому что мрак,
Мрак непроглядный — один бесплатен.
Красок за сетью теней и пятен,
Меркнущих, не различить никак.

* * *

Сетка капель мелких — трубит Тритон,
Изрыгая воды поток.
Я попасть все время пытался в тон,
Вечный град, тебе — и не мог.

Не носил я, верно, тройных тиар,
Не следил, как арену кровь
Заливает... А может быть, просто стар,
Чтоб всем этим прельститься вновь.

Ты тяжел, как тридцать веков, что тут
Спрессовались, вросли в бетон.
Впрочем, знаю: многие предпочтут
Твоей силы мирской закон

И такую цепкую связь с земной
Подосновой людских страстей,
Что, как знать, вдруг тени придут за мной
Катакомбных твоих гостей.

В РИМСКИХ КАТАКОМБАХ

Смешное это «быть или не быть»,
Когда так узок бытия зазор.
Я город мертвых не могу забыть:
В крошечном мраке сотни тысяч нор.

Гипотетически здесь Страшного Суда
Ждут те, кто Иисуса предпочел.
Хотя давно их кости без следа
Исчезли — улей дважды мертвых пчел,

Подземных пчел... Так где жужжите вы,
Однажды залетевшие на свет?
В небытии, которого ведь нет?..
Да, впрочем, как и римской детворы,

И Рима, и галактики слепой,
Свивающейся в черную дыру.
Что значит прошлогоднею травой
Быть? Тополем, шумевшим на ветру

Две тысячи, сто тысяч лет назад?
Что значит быть, чтобы потом не стать?
Во мраке нор подземных тонет взгляд.
Лишь остается это испытать.

* * *

До нас, как помнится, жизнь лишь при Антониных
Была комфортна так, безбедна и пуста.
Рим, утвердившийся «навек» на рабских спинах,
Судьбы неведомой поджатые уста.

Как пиоровалось им с цекубским и фалернским,
Как каждый был собой, своим достатком горд!
Но близился уж час непоправимым, дерзким
Набегам варварских из-за Дуная орд.

И всей накопленной, отлаженной веками
Культуры не хватило, чтоб спастись.
Не так ли и сейчас? Тяжелыми шагами
Срок близится. Не трусь, не суетись!

В конце концов, за нас заплачено с лихвою,
А жизнь и в гуще бед, и в череде утрат —
Все жизнь; и кто вперед, с душою, с головою
Идет по ней, всегда останется богат.

«ОТДЫХ НА ПУТИ В ЕГИПЕТ»

Все спит, но ты не спишь, хотя, быть может,
Тебе лишь снится этот твой «не сон».
Игрою скрипки ангел растревожит,
И сам тревожен и прекрасен он:

Одежды ярко-белы, тонки руки,
Дрожание ресниц, орлиных крыл...
И так слились черты его и звуки,
Что о младенце плотник наш забыл.

Забыл о доме брошенном, о долгом
Пути в страну, откуда был исход.
Мария спит. Не связан больше долгом,
Иосиф смотрит, как играет тот.

Сему свидетель только глаз осляти.
В руках лишь ноты — страннo самому.
Но всех небесных сил святыи рати
Ему в минуту эту ни к чему.

Есть что-то выше Божьего завета,
Любви, несущей тяжкую суму, —
В твоей душе таящееся ЭТО,
Неведомое больше никому.

* * *

Не город — театр анатомический,
Где каждый век лежит, разъят,
И шелк сутаны католической
Впитать не может трупный яд.

В роскошном цветнике гниения
Едва заметный запах,
Мощь необузданная гения,
И рядом с ангелом — божок.

Как Тибр желто-зеленый стоками,
Всем кровь огружена твоя:
Богатством, славою, пороками,
Соблазном инобытия.

Но странный с разложением тлеющим
Витальный сопряжен процесс:
И вот к руинам костенеющим,
Накрытым куполом небес,

Ведут шумливых улиц линии —
Торгуй, влюбляйся и воруй!
Туристам что-то шепчут пинии
И брызги искрометных струй.

Конечно, здесь барокко вотчина.
Рим — пласт дернины, где корней
Идет борьба, не озабочена
Тем, что там вырастет на ней.

* * *

Компостная яма культуры —
Вот Рим твой, его травертин,
Колонны его и скульптуры,
Полотна церковных картин,

Бредовые сны Борромини,
Сикстинских атлетов тела
И тяжесть небесная сини,
Сжимающая купола.

Вот так, проникая друг в друга,
Природа с искусством искус
Создали. Фонтаны упруго
Вздымают свой радужный груз.

И всюду костяк Колизея
В нас тычется, неотвратим,
Чтоб толпы туристов, глаза,
Не спутали: Рим это! Рим!

* * *

Цивилизация с избыточностью всей
Форм, образов, вещей, идей, статей закона...
Остались пара терм, громоздкий Колизей.
Ах, да, совсем забыл — и купол Пантеона.

Не очарован дух — смущен: какой размах!
Рациональный ум, не знающий предела.
Но геометрия, не помня о богах,
Оставит каждому лишь мраморное тело.

Еще бы хорошо любить и забывать,
Как греки, навсегда прощаться с грустью нежной.
Но тут лишь знали страсть одну — повелевать,
И славою пьянеть, и смертью неизбежной.

Тяжелый римский дух. С уступа на уступ
Карбакались дворцы к вершине Палатина.
И что!? — Ни гула толп, ни триумфальных труб,
Лишь сколотых камней торчащая щетина.

ВИЛЛА АДРИАНА В ТИВОЛИ

Даже здесь твои боги только
Слепки, тени чужих богов.
Опустевшей экседры долька,
Пруд, из мраморных берегов

Выступающий изумрудом,
Кладка залов каких-то, бань.
Я дивился печальным грудам,
Отдающим Элладе дань.

И так странно: почти что греку,
Филоэллину, — а ведь нет! —
К своему не притиснуть веку
Славу Фидиевых побед.

Мы иные, и все иное,
Дух лишь в каждом неизлечим.
Возле статуи Антиноя
Остановимся, помолчим.

* * *

Что же касается *жизни*, так называемой,
Всех этих баров, отелей, реклам конфетти,
То от нее у меня как бы след несмыываемый,
Как бы такая оскомина. Так что — прости!

Люди как люди — везде со своими заботами.
Однообразнее только какой-нибудь фагоцитоз.
Справа — жилые кварталы, нависшие сотами,
Вместо таких же, недавно пошедших под снос.

Нет, ну конечно: детальки и внешнее разнообразие...
Можно заделаться хоть энтомологом. Вот
Повод полмира объехать: Америка, Африка, Азия,
Видов описанных, новых статей хороовод.

Жизнь, ты избыточна в множестве сущностей, якобы
Разных, на самом же деле стремящихся лишь
К гомеостазу. О боже, как мы одинаковы:
Рим, муравьиная куча, Житомир, Париж...

* * *

Среди бесчисленных мертвых копий
Божеств и венценосных рож
Идешь вдыхать музейный опий,
Почти безропотно идешь.

И в зале смотрят истуканы,
Брезгливо поджимая рот,
Как все народы к ним и страны
Стекаются из года в год.

Увы, не меньше мертвечины
В искусстве, чем в твоём быту.
И я, поверь мне, без причины
Сюда особой не приду.

Но вдруг: как в жизни, взгляд случайный,
И ты, волнуясь и любя,
Стоишь, застигнут, зритель тайный,
Тем, что касалось лишь тебя.

Стекают складки, словно пена,
И к небу руки вознося,
Венера Анадиомена,
Светясь, сейчас предстанет вся.

Не зная времени урона,
Еще недовоploщена,
В мир этот с Людовизи трона
Вступает царственно она.

* * *

Когда огромный Рим стоял почти пустым,
Ветшали здания, зарос травой форум,
Кровавый век побед казаться золотым
Им должен был, мечтой, мучительным укором.

Меж тем в «Анналах» Тацит описал
Всю подноготную «величия и славы»:
Разврат толпы и цезаря оскал,
Чьи действия страшны, слова — лукавы.

Ждать, жалуясь, когда изменятся они,
Лихие времена, — бессмысленное дело.
В торгашеские дни вранья и болтовни
Родиться, может быть, душа и не хотела,

Но разве лучшие еще предстанут ей?
И что же делать с этими, глухими?
Что ж, разрушайся, Рим, миф величавый, тлей! —
Я да не соблазнусь утраченными ими.

* * *

В Риме — смотришь на небо Рима,
Блекло-синий его лоскут...
Жизни, что просто так дарима,
Не хватает: часов, минут.

Лишь упругие волны ветра,
Лишь закатной зари прибой...
Но огромная тень Сан-Пьетро
Все накроет сейчас собой.

Тень от тени скользит по вечным
Града Вечного мостовым.
Как во времени бессердечном
Оставаться еще живым —

В травертиновой корке твердой,
Кровь и веру впитавшей, страх,
В небо смутное волчьей мордой
Тычась, столетий глотая прах?..

* * *

Полюбить невозможно, увы, — но забыть
Во сто крат этот город трудней:
Сон руин, водометов искрящихся прыть,
Распростертое небо над ней,

Божьи храмы, покрытые струпиями всех
Здесь промаршировавших веков,
Пиний ярко-зеленый, игольчатый мех,
Паруса кучевых облаков.

Почему так случается, что нелюбим,
А важнее всех тех, кто твой?
Сколько дней любовался и мучился им,
Вскрыть последние сиясь слои,

И от башни Сант-Анджело до катакомб
По нему пролагая свой путь,
Сколько тайных сорвал с неизвестного пломб,
Но осталась загадочной суть

Рима — мира — твоей одинокой судьбы
И любви-нелюбви. Кабы знал!..
В памяти не холмы выпирают — горбы:
Авентин, Палатин, Квиринал.

V

* * *

Вращая памяти тугое колесо,
Какую выхватишь картинку, — выбирай!
Не знаю, есть ли рай, но замок Шенонсо
По всем параметрам вполне похож на рай.

Покой фасадов, белых башен над рекой,
Приют изысканный любовниц королей,
А в галерее над волнами свет такой,
Что на душе — войдешь — становится светлей.

Напоминать не стоит, их удел каков,
В раю заснувших и проснувшихся в аду:
Не заглушить всем ароматом цветников
Варфоломеевскую скорую беду.

Но эхо смех еще доносит, в серебре
Река, и сонмы юных движутся теней.
Мы были здесь с тобой в том самом сентябре
2001-го, всего за пару дней.

* * *

Жизнь о себе ничего не знает,
Просто, отчаянная, течет.
Нечет и чет мне напоминает
Все, что случается: нечет-чет.

Вот и сейчас из соседских окон
Вопли убогой попсы смурной.
Я в этих строчек окуклюсь кокон:
Все, что там бесится, — не со мной!

Так и в Египте теперь, где страсти
В страсти-мордасти вошли стык в стык,
Жмурится, не открывая пасти,
Сфинкс, всех выдавший земных владык.

Ждать бесполезно, пока осядет
Муть бытовых и «великих» дел.
Девочка свинку морскую гладит —
Целую вечность бы так сидел!

* * *

Не исправить, не изменить...
Что с природой бороться, право!
Все равно свою тянет нить:
И спасен, как всегда, Варавва.

С этой легкостью бытия
И бессмысленностью скользящей,
Может быть, прикасаюсь я
К неожиданной, настоящей

Тайне мира. Не запихнуть
Полноту ни в какие рамки.
Лучше просто рукой махнуть,
Если шашка проходит в дамки

Сразу, опыту вопреки,
Всякой логики руша скрепы.
Им-то (мы с тобой — дураки)
Мир сей пареной проще репы.

* * *

Временами мне кажется: вижу, как здания эти,
Вдоль которых иду на работу (конторы, жилые),
Будут остовами возвышаться, разрушенные на две трети,
И закончится так неумное время мое.

Потому лишь и можно дышать, наслаждаться минутой,
Что подрезаны крылья у нашей фантазии. — Пусть!
Охвати меня воздухом этим и светом опутай,
Чтобы не оставляла весенняя терпкая грусть.

Хорошо!.. Хорошо нам жилось и пока что живется.
А что будет, то будет. Торопятся вдаль облака.
Только жаль: до конца настоящее нам не дается,
Настоящее — то, что сейчас, то, что с нами пока.

* * *

Посвящается Йеллоустоуну

То ли лет через сто, то ли завтра уже,
Но понятно: однажды рванет.
Как бы истину эту во всем неглиже
Нам представить, весь смысл ее, гнет?

Потому что она обнуляет потуг
И страстей человеческих пыл,
Потому что развеются пеплом, мой друг,
И в Донбассе конфликт, и ИГИЛ.

Уже завтра, быть может, не курсы валют
Будут нас волновать, а еда.
Станет снежный буран, нескончаем и лют,
Мертвые обрывать провода.

Вот бы, зная все это, сегодня хотя б
Подготовиться, силы сплотив!
Да, увы, из своих разве выпустит лап
Повседневности пошлый мотив?!

* * *

Душа как будто знает что-то
Свое, неведомое нам.
Слабеет с возрастом забота
О том, что будет *здесь* — не *там*.

И больше не волнуют споры,
Кого наш выберет народ,
Политики и кредиторы,
Цена на нефть и недород.

Не то чтоб равнодушие — просто
Вдруг понял: что-то есть важней
Заготовления компоста
Из сгнивших, выброшенных дней.

И запашок заплесневелый
Идет от будущего. Что ж,
Душа готова. Ангел белый,
Куда усталых позовешь?

* * *

В Нью-Йорке 99-летнему
Дэвиду Рокфеллеру в шестой
раз пересадили сердце.

Из ленты новостей

В столетней одряхлевшей клетке
Грудной в шестой забьется раз.
С войной великой однолетки...
Таблетки, стволовые клетки —
Куда заманивают нас?

К чужому сердцу непригоден,
Поэт уходит в пятьдесят.
Он жить и умереть свободен,
Но строки душу воскресят.

Лукавой волей некроманта
Теперь бессмертья ищем мы,
Как ипотеки или гранта,
Не видя подступившей тьмы.

И в мертвое вложив живое,
Лишь мимолетность нашу длим,
На время зарясь даровое,
Но перед ним не устоим.

* * *

Мы не увидели Пальмиру
И не увидим никогда.
Опять безумие по миру
Идет, сметая города.

Вот так: объяла души скука,
В ленивой праздности умы —
С Иерихона и Урука
До надвигающейся Тьмы.

А все затем, что бестревожен
Стал быт пасущихся племен,
Что в массе человек подложен
И, значит, будет упразднен.

Жизнь, а не прошлого осколки,
Ту, что лишь притворила дверь,
В Пальмире стерли эти волки,
И мы не встретимся теперь.

**НА ПОГИБЕЛЬ ШЕДЕВРОВ
АССИРИЙСКОГО ИСКУССТВА
В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МУЗЕЕ МОСУЛА**

Пережившие две с половиной тысячи
Лет, таившиеся в веках
(Сочинить ли, построить ли заново, высечь ли
Невозможно), как отблески в облаках

Вы теперь... Природою став, история
Ничего не расскажет уже, увы!
И страную бывшая территория
Зарастет щетиной густой травы.

Просиявший дух никуда не денется,
Но для нас он явлен лишь в форме той,
Что искрится камнем, стихами пенится
И пылает краскою золотой.

Я смотрю на торсы быков крылатые,
Что теперь джипеги в краю теней...
Все мы перед будущим виноватые,
Став еще беспамятней и бедней.

* * *

И хоть из драгоценных ее наследий
Большинство теперь — новодел,
Но почтеннее давнее к старой леди
До сих пор еще мой удел.

Правда, не Кронион в бычачьей шкуре,
А звездно-полосатый флот
Приплывает к ней, и царит в культуре
Дисней Лэнд, а не Камелот,

Но в комодке дедовском старой девы
Тени тайны еще живут,
Еще башни Праги, огни Женева,
Звуки Вены к себе зовут.

И на этот зов из дали закатной
Встрепенется душа порой.
Но прошедшее не придет обратно,
Как и рыцарь твой, твой герой.

Тяжелы одежды ее и вздохи
Хриплы — не разглядеть лица.
Ты мечта и сказка другой эпохи,
Не почувствовавшей конца.

* * *

Пятнадцать минут нам дали,
Не более. Что ж, смотри!
Сюжетные все детали
Мы знали, но там внутри

Такой на небесно-синем
Сияющий мир затих,
Что головы мы поднимем
И уж не опустим их.

С четырнадцатого века
Здесь скорбное торжество
Истории Человека,
Юдольных страстей Его:

Волхвы, пастухи, верблюды,
Иерусалимский люд,
И тот поцелуй Иуды,
Которым нас предают,

И ужас небес застылых,
И к мертвому сыну мать
Склонившаяся, не в силах
Ни плакать, ни понимать.

Пятнадцать минут для встречи...
А хоть бы и полчаса!
Сутулые эти плечи,
Косящиеся глаза...

Уйдем — тишина в капелле.
Всё снова случится тут:
Вот ангелы полетели,
Скликая на Страшный Суд!

ДАВИД МИКЕЛАНДЖЕЛО

1.

Герой, красавец, мальчик, царь
(Но это где-то за чертою),
Как камнем, в лоб меня ударь
Своей слепящей наготою!

Мир, свежей плотью опьянен,
Вокруг твердеет коркой лавы.
Но только хмурит брови он,
Почуяв терпкий запах славы.

Для юных эта жизнь, и смерть
Для юных тоже, легкость эта.
И ты не можешь не смотреть,
Как будто суть сама раздета,

Обнажена. Любой из нас
В далеком детстве оголтелом
Не так ли встретил звездный час
Всем своим легким, звонким телом?

2.

В том-то и дело, что его тело
То же, что и душа.
Это покамест не поседела,
Стала не хороша.

Это пока и оно в порядке:
Мускулы, как струна,
Волосы сбились в тугие прядки,
Шея напряжена.

Это пока они друг для друга
Словно бы близнецы:

Нет ни сомнения, ни испуга —
Пращники и бойцы.

Юности звонкому монолиту
Памятник этот (кич?),
Плотью пытающемуся Давиду
Смысл бытия постичь.

3.

Самодостаточность ни тленьем, ни сомнением
Еще не тронутого толком естества...
С почти завистливым глядишь недоуменьем
И соблазняешься, не чувствуя родства.

Что проку! Молодости мраморная глыба,
Сияя, все века перестоит.
Но в жизни — только миг, а дальше либо
Ты мертвый воин, либо царь Давид.

И мы, скользя по временному устью,
На островок нагого торса, ног
Смотрели с тайной жалостью и грустью,
На юность ту, которой невдомек...

МЕДИЧИ

1. СТАРШИЙ

Знаешь, он ведь на город потратил в шесть раз
Больше, чем сыновьям завещал,
На того, кто любил красоту без прикрас
И достроить собор обещал,

На ряды гармонически строгих колонн,
На заливший базилику свет,
Ту, в которой потом упокоится он
После счастливо прожитых лет.

Рядом доминиканцев обитель, а в ней
Дивных фресок божественный строй.
Впрочем, умер один из его сыновей,
Безнадежно был болен второй.

«Дом, что выстроил я, оказался велик
Для такой необширной семьи...»
Кто читает курсивы им купленных книг,
Занимает в капелле скамьи?

Он Филиппо от папского гнева спасал,
Им оплачен тот первый Давид.
«Нас изгонят, — с усмешкою другу сказал, —
Нас изгонят, народ не простит!»

2. IL MAGNIFICO

Он и теперь на легких фресках
В прекрасном городе своем,
Где ветер бродит в занавесках
И гор пологих окаем.

В одном гробу с убитым братом
На пару вечность коротать.
Быть мало умным и богатым,
Должна твоя пора настать —

Настать пора Rinascimento,
Как ее позже назовут.
Как будто ждет судьба момента
И тихо шепчет нам: «Вы тут?

Вы тут? Уже готова сцена,
Мы небывалое узрим,
И ни соперница-Сиена
Не помешает нам, ни Рим!»

Волхвов процессия змеится,
Шелка и золото — в пыли...
Здесь должно Новому родиться,
И поклониться мы пришли.

3. ДЖАН-ГАСТОНЕ

Завершенье важнее начала.
В позолоте и серебре,
Боже, как его мать скучала
При тосканском глухом дворе!

Обветшавшие славы стены,
Сплетни жалкие без конца.
Брат твой старший скорей для сцены
Подходил, а не для венца.

Впрочем, умер, не ставши принцем, —
Ах, соблазны со всех сторон!
Ты б не пошевелил мизинцем,
Чтоб занять этот дряхлый трон.

Но сулила судьба иное:
В спальне герцогской полутьма,
Равнодушие ледяное,
Безразличие чувств, ума...

Свет, дрожащий на бриллианте,
Сон, как пыль, продолжает льнуть.
Ночью снова придет руспанте
Вожделение подхлестнуть.

Никому ты не нужен. Ждущий
Город, ставший уже чужим.
Словно прошлого черной гущей
Ты отравлен и недвижим.

* * *

Сиенских мадонн узкоглазых
Уже не забыть мне черты.
Здесь небо ночное в алмазах
И пахнут сильнее цветы.

Я новой, Италия, встречи
С тобою, как с юностью, жду —
Далеко-далеко-далече,
В каком неизвестно году.

Коричневых крыш черепица,
Играющий солнечный блик,
Серьезные, нежные лица
На фресках во мгле базилик,

Развалины форумов диких,
Толпы говорливой прилив,
Всех малых творцов и великих
В музейных собраниях див,

И лучшие в мире витрины,
И радуга пестрая мод,
Под жалобный писк окарины
Гуляющий праздно народ.

К холмам нерушимого Рима,
К Лигурии влажной брегам
С неясной тоской пилигрима,
Зачем, я не знаю и сам...

VI

* * *

Ничего не осталось от прежней дачи —
Как-то пусто-гостинично в новом доме,
Но легко, и, кажется, жизнь иначе
Тут пойдет от города в автономе.

Здесь с вещами не связано то и это,
Все сгорело — хорошее и дурное...
И как будто первое наше лето
Мы проводим вместе, томясь от зноя.

Неужели заново, неужели
Можно просто сбросить сухую кожу?
Но стоят вокруг тополя и ели,
И стыдится память убавить ношу.

И хотя меняется, зарастая,
Мир бурьяном буйным на пепелище.
Та же схема жизни моей, простая:
Направленья — Луга или Калище.

* * *

А картошка опять фитофторой
Заболела — увы — недород.
Отпускная пора, за которой
Снова долгий, бессмысленный год.

Высоки эти ставки на летний
Дачный воздух и солнечный свет,
Словно ты выкупаешь последний
Лотерейный, счастливый билет.

Но, как водится, выигрыш мимо.
Не отпустит, жалей — не жалей,
Жизнь, летящая неотвратимо
К неопознанной цели своей.

И, так странно, — никак не остаться
В этом дне, где над кашкой кружа,
Будет шмель деловито слоняться
И травой колыхаться межа.

* * *

Лилии вот-вот раскроются —
И как раз уедем мы.
Лета страсти успокоятся
С наступлением зимы,

И уже другие лилии
Будет возвращать мороз.
Вы от лета сохранили ли
Запах сена, гулы гроз?

Что вообще осталось? — Съедены
Огурцы и кабачки.
Дня загарные отметины,
Ночи черные зрачки...

Только в нас и похоронены
Шелест крон, полет стрекоз,
Многодетные Воронины,
Дом которых в землю врос.

* * *

Соловьи не о розах поют потому,
Что в июне еще нету роз.
Посадили в теплицу ее, как в тюрьму,
Ибо ночью бывает мороз.

Так у нас и осталась она розоветь
Там, среди помидорных ветвей,
Но как будто надеялась (роза же ведь),
Что и ей пропоет соловей.

Уже август: по небу из дальних краев
К нам приносят дожди облака.
Ни стрекоз не видать, не слышать соловьев,
И ночная тоска глубока.

Да и поздно уже соблазнять красотой —
Лепестки, опадая, гниют.
Вот и прожили-жили мы жизнью не той,
А другую прожить не дают.

Хорошо, что хотя бы в кустах воробей
Повторяет свое чик-чирик,
Хорошо, что сквозь полог небесных зыбей
Солнце утром проглянет на миг.

* * *

У соседа заваливается сарай. —
Черт с ним! Хоть бы бурьян скошил!
Как ни ремонтируй, не прибирай
Эту жизнь — а не хватит сил.

На верхушке ели который год
Аисты лопочут в гнезде,
И летает над крышами их приплод,
И цикады звенят везде.

Лето... Дачников больше тут
Деревенских чем, коренных.
Ни коров, ни коз уже не пасут,
Хлебопашцы — в краях иных.

Ну, а народившийся молодняк
Лишь тусит, врубая попсу.
Я который год не могу никак,
Бросив все, побродить в лесу.

Это хаос исподволь в нас проник,
Разум тронулся, дух ослаб?
У забора выпростал борщевик
Мощь своих всех зеленых лап.

* * *

Рай — это просто-напросто дача, —
Ангельских сонмов не надо, куш...
Вот же, и яблоня, чуть не плача —
Ты ведь всеведущ и всемогущ —

Молит: лишь дай продолжаться лету,
Августу с алым пыланьем зорь.
Лучше не будет! Прозрачность эту
Неба Ты как-нибудь мне prospory,

Бархатцев рыжих на клумбе пятна,
Мраморную по ночам луну!
Все, преумноженным многократно,
Я ведь однажды тебе верну.

Лучше не будет. В счет вечной квоты,
Той, что моей обещал душе,
Боже, зеленых стрекоз полеты
Дли бесконечно сейчас уже!

* * *

Утром жизнь словно льется по жилам:
Выйдешь в сад — по листве ветерок.
Этот воздух... Ну кто б дорожил им,
Освежительный сделав глоток!

Мир, конечно, не где-то там сбоку:
Шмель хлопочет, цветет иван-чай.
Продираясь сквозь сна поволоку,
Ты увидел его невзначай,

Ты с ним встретился как бы впервые,
От крыльца до колодца идя.
Мы живые, живые, живые,
Как ромашки, как капли дождя.

* * *

Наливая воду из колодца,
Почему-то счастье ощутишь:
Этот день, что просто так дается,
Эта неба глубина и тишь,

И струя, серебряною змейкой
Из ведра скользящая в ведро,
И рябины ветки над скамейкой —
Каждой алой ягоды ядро...

Я не знаю, почему остаться
Невозможно в этой тишине,
Или в снах, что нам под утро снятся,
Или в том, что ты сказала мне,

Улыбаясь, на ступеньках стоя
Дачи, солнцем залитая вся.
Счастье-счастье, что оно такое,
Все даря и тут же унося?..

* * *

Вот уж воистину чище алмаза
В чашечках листьев наступции влага.
Словно ждала — и дождалась приказа
К солнцу рванувшая веток ватага

После дождя. И земля напиталась,
Жирно блестит на прополотых грядках.
Все ж-таки нам это лето досталось,
Строго не будем судить о порядках,

Здесь установленных. Жизни дареной
В зубы смотреть неудобно и глупо.
После дождя весь стоит разморенный
Сад, и огромная синяя лупа

Неба с пылающим солнечным глазом,
Зорко следящим, простерта над нами.
Каждая капля сверкает алмазом.
Верить ли, нет — выбираем мы сами.

* * *

В десять вечера свет в июне
Так спокоен, так бархатист,
Что ты знаешь: не канет втуне
Даже самый последний лист.

Краски вечер кладет не резко,
Тихо-тихо во мне и вне —
Словно фреска делла Франческа,
Распростертая на стене...

Никуда, никуда не деться
Нам, лишь сумерки эти длить.
Так и будем, как те — в Ареццо,
Через вечность неспешно плыть.

Сон, приснившийся Константину,
Соломона косящий глаз...
В золотистую паутину
Навсегда заключают нас.

* * *

Всей силой ягодной земли
Я напитался этим летом.
Как жарко бархатцы цвели,
Как истово по всем приметам

Спешила осень, чтоб плоды
Собрать, напитанные влагой
Июльских гроз! Пусть все труды
Над грядкой или над бумагой

Нам пригодятся в свой черед.
Их жизнь единая питает,
Та, что всем щедро одаряет,
И все однажды заберет.

* * *

Ире

И жалчей всего не эти слезы,
Что осенний дождик лить готов,
А стеблей травы метаморфозы,
Киснущие чашечки цветов.

Что ужасней бурого распада
В недалеком прошлом пышных гряд?
Лишь одни на дальней кромке сада
Хризантемы звездами горят.

Но и их спалит дыханье стужи
Скоро-скоро-скоро. Об одном
Думаешь, шагая через лужи:
Все затянет белым полотном.

Представляю ужас голых веток,
Хлещущих друг друга на ветру,
В снег сующих лапы так и этак,
Их сковавший иней поутру,

В мерзлый грунт упрятанных корнями
Тени неподвижных яблонь, слив,
Дни во сне идущие за днями,
Темноты пугающий прилив.

* * *

Испарились, как капли эфира,
Дни, а было их под шестьдесят.
Догорает заката порфира,
Звезды блестками в небе висят.

Вот и ночь проявляет свой норов,
Наконец наступает финал.
Лучше встретим его без укоров —
Ты про все это загодя знал.

И за жизнь, как за номер в отеле,
Расплатиться пристойно — сполна.
Что с того, что соседи шумели
И с облупленной краской стена!

На ресепшен за миг до ухода
Компенсацию требовать?! — Нет!
Верь мне: в каждой утрате — свобода,
Долгожданный обратный билет.

VII

* * *

Как быть зимой нам?..

Алкей

Похолодало. Включишь батарею,
По уши в плед шерстяной нырнешь.
— Это ж Алкей! Вот и я старею...
Ветер осенний, сырая дрожь.

«И застывают ручьи под вьюгой»,
Сад облетевший к окну преник.
Ропотом веток меня баюкай,
Скорчившегося над грудой книг.

Помнишь: глубокие кубки, хмеля
Радость дарующая струя,
Молодость даже... Мели, Емеля!
Как быть зимой нам — не знаю я.

* * *

Какими-то обрывками внутри
Меня они живут — воспоминания.
Вот первые, когда мне года три
(Так ярки краски, так сильны желания!):

Переводных картинок пестрый мир,
Карандашей наборы рисовальные,
И коридоры гулкие квартир,
Их запахи, их звуки коммунальные.

Еще из пластилина два слона,
Мне слепленных старушкою-соседкою,
И дачная ночная тишина
С колышущейся марлевою сеткою.

В душе моей осколки тех краев —
Страна ль мечты, фантазии анклавов ли, —
Куда не забредал Семен Дежнев
И Магеллана корабли не плавали.

* * *

Снился друг, что умер лет семь назад,
А потом другой (только год
Как его не стало). Ни в рай, ни в ад
Я не верю, но к нам из-под

Пелены приходят такие сны
И такие мечты гнетут,
Что порою кажется: не вольны
Мы одни оставаться тут.

И когда плотнее, чем круг живых,
Станет призрачный этот круг —
Верный признак: в сумерках снеговых
Нам пора собираться, друг.

Будет свет редеть, и крепчать мороз,
И метель, задыхаясь, выть.
Но тому, кто в мир уходящий врос
Всею памятью, — в нем и быть.

* * *

Без зубов и волос, без зубов и волос...
Помнишь фразу в романе Толстого?
И зачем все что было с тобою? — Вопрос
Безнадежно звучит, бестолково.

Ни зачем... этот светом пронизанный свод,
Влажным ветром гонимые кроны,
Вся избыточность видов, родов и пород,
Естества все слепые законы

И истории тысячелетней толчки,
Чьи повадки кровавы и грубы,
И твои расширяющиеся зрачки,
Когда наши сближаются губы?

Ни зачем... И в алмазном сиянии ночь,
И душа, пробужденная в теле,
И надежда, которой ничем не помочь?
Ни зачем... И любовь? — Неужели?!

* * *

Любое пятнышко теперь
На коже — повод к подозрению.
Ах, тело, всех твоих потерь,
Претензий веских к слуху, к зрению

Не перечислить. Скучно как
Жить в ожидании подвоха,
Собрав все мужество в кулак!
И будет хуже, если плохо.

Поэтому не думай, пусть —
Сегодня, завтра ли, вчера ли...
Затверженное наизусть
Повторят ДНК спирали.

А если есть какой-то сбой,
Что ж, значит сломана игрушка.
В любом финале смерть-подружка
Всегда приходит за тобой.

* * *

Как хорош свинцовый отблеск этот
Небо запрудивших облаков!
Просто жить, бесцельно — тоже метод,
Так давай, живи без дураков!

Ветер полы куртки раздувает,
Влажный воздух скулы холодит.
Ничего на свете не бывает
Из того, что юность берedit.

Ни принцесс за дальними морями,
Ни ушедших к звездам кораблей —
Только дождь по лужам — пузырями,
Только эта осень у дверей,

Только этот серый и суровый,
Недоступный сердцу небосвод,
Только этот привкус жизни новой,
Навсегда уже свободной от...

* * *

Дней уходящих пустоцвет,
Безрадостные перспективы...
Пора бы свой раскрыть секрет,
Жизнь, — пусть не смысл, хотя б мотивы.

Все так же небеса молчат,
Как тридцать лет назад и сорок.
Забудь! Но тем, кто постучат
Сюда, передоверь свой морок.

Теперь им выпало страдать,
Прельщаясь призраком ответа,
Который жизнь не может дать.
И что ж, винить ее за это?!

* * *

Называется «время дожития»...
Словно вез меня шаткий трамвай
И на следующей должен выйти я,
Сумку — в руку, и с места вставай!

Тот же город за окнами стелется,
Старых зданий насупленный вид,
Серых скверов... Какая безделица —
Выйти! Что же так сердце болит?

Солнце тусклое к поручням ластится,
Пыльных стекол дрожащая гладь.
Что ты! Разве душа первоклассница,
Чтоб с волнением таким ожидать?

Торопливое и лаконичное:
«Вы выходите?» — к тем впереди.
Разве это не дело обычное —
Со ступеньки последней сойти?

* * *

Необъятного лета не стало. —
По кусочку его день за днем
Наша дачная праздность сглодала.
Как теперь недостачу вернем?

Чем за жизнь отчитаемся? Взглядом
Проследим исчезающий дым.
А ведь мир несгораемым вкладом
Нам казался, еще молодым.

Август к осени быстро сползает,
С каждым утром рассвет холодней.
Что же нас от унынья спасает,
От досады потраченных дней?

Я не знаю. Надежда на чудо,
Что когда-нибудь произойдет?
Облаков в никуда ниоткуда
Из окна наблюдаю полет.

* * *

Вдруг твои мысли, как в паутине,
Тяжеловесных ворочанье слов...
Если б умела душа, как Гудини,
Освободиться из тяжких оков!

Что же наш дух костенеет, как тело,
Прежним восторгом уже не горит?
Помнишь: ах, как твое сердце хотело
Лондон увидеть, Афины, Мадрид!

Ты их увидел: художества чуда,
Сонмища архитектурных затей,
Гульбища разноплеменного люда,
Переплетенья шоссеиных путей,

Ты их увидел, и что же? Какого
Ждал постиженья, прорыва, любви?
О, я боюсь, что душа не готова
К универсальному «просто живи».

Видно, нам, занятым поиском смысла,
В юности всюду мерещится след,
Ну, а потом словно что-то зависло,
Что-то забылось за давностью лет.

Так устает постоянно гребущий
И отдается теченью реки.
Жизнь — непонятна, чем дальше, тем пуще,
Смертные воды ее глубоки.

* * *

Десять раз на дню меня пугает
Слабостью и болью головной.
Ах, уже ничто не помогает
Нам от перспективы внезапной!

Так и ждешь сигнальчиков оттуда,
Межпланетным холодом облит.
Но мой Бог, какое это чудо,
Если день хотя бы не болит!

Вот теперь бы и пожить на славу,
Тяготы земные отложив.
Разум есть, и опыт твой — по праву,
Только если... если будешь жив.

Протереть очки, убавить света.
Горсть пилюль, тепло любимых рук...
Я не знал, но оказалось это
И зовется счастьем, милый друг.

* * *

В утлой скорлупке тела
Душу свою нести...
Ты ли со мной хотела
Счастье обрести?

Медленно догорая,
Гас наш двадцатый век.
Жизнь началась вторая,
Быстрый взяла разбег.

Только вот как-то зыбко,
Зябко порою с ней.
Пусть озарит улыбка
Наших остаток дней!

Воля, покой, привычка —
Это оно и есть,
Легкое счастье, птичка,
О неизбежном весть.

* * *

Одуряющий запах сирени...
Это дача и детство. — Постой!
Все в песке золотистом колени,
Морем пахнущий воздух густой,

Огнецветная рябь на заливе,
Крики чаек, плавсредств хоровод,
И в разметанной солнечной гриве
Над бескрайней водой небосвод,

Вечерами улягутся звуки, —
Только ноющий писк комарья,
Карты взявшие бабушки руки,
И слежу за пасьянсами я,

Или тянется мерное чтение,
Дни почти бесконечно длинны,
Из крыжовника варят варенье,
Жадно слушают вести с Луны.

Вот и все... Ну еще бадминтона
Перестрелка, малина, грибы...
У раскрывшейся розы бутона
Аромат сладковатый судьбы.

VIII

* * *

Можно ведь не писать стихов —
Просто бубнить, кружить,
Спать до пятнадцатых петухов,
Непроизвольно жить,

Просто следить, как затих в тени
Дома заросший сад,
Как торопливо уходят дни
И не придут назад.

Можно не думать — зачем! — не знать...
Что изменить ответ
Может? Способен ли он нагнать
След промелькнувших лет?

Вот: серебристый, как Млечный Путь,
Тающий в небе след.
А про стихи те забудь, забудь,
Их и в помине нет...

* * *

К сожаленью, тускнеет слово,
Древним жемчугом умирает.
И уже не услышать снова,
Как в устах оно замирает.

Где те песни, что Сапфо пела,
Виноцветным любуясь морем?
Чем встревожена филомела —
Мы не помним уже, не спорим...

Как ему там, в культурном слое
Всех слежавшихся смыслов духа?
Слово умерло. О герое
Все забыли. Темно и глухо.

Только эйдосы у Платона
В своем вечном надзвездном мире,
Хрипы старого патефона,
Заблудившиеся в эфире.

* * *

Накрапывал дождь, засыпая,
Он шел, и он спал на ходу.
Какая-то леность тупая
Владеет мной в этом году.

Никак не собраться, работы
Не сдвинуть буксующий воз,
Ни сил уже нет, ни охоты
За что-нибудь браться всерьез.

О, плыть бы по пенному морю
В бескрайнюю синюю даль.
О цели уж я и не спорю,
Мне призрачной цели не жаль,

Но хочется только покоя:
Слепящий простор голубой,
И небо, и небо такое,
Сливающееся с тобой.

* * *

Первые строки обычно уже
Все о стихах говорят:
Это — души воспаленной клише,
Это — банальностей ряд,

Это — хромающее буриме
С розовой патокой грез,
Это, простите, ни бэ и ни мэ —
Просто словесный понос.

Первые строки, как тот на крыло
Вставший подросший птенец.
Вдруг повело, повело, повело,
Вдруг повело наконец.

Ибо дыханье живое в них есть,
Странный какой-то нажим,
Тайная горечь, далекая весть.
Но не слышать чужим.

В МУЗЕЕ

Жизнь за собою лишь дверь притворила,
Тонкую — меж бытием и не сущим.
Знаешь, искусство — такие перила,
Чтобы заглядывать к вечно живущим.

Просто Красавица перст уколола,
Спит и, нетленная, спать еще будет.
Слышишь: дыханье, как арфа Эола.
Кто поцелует ее и разбудит?

Верь же: нам всем уготована встреча
Здесь, в этом зале — не там за Порогом.
Впрочем, быть может, искусство — предтеча
Тайной беседы с улыбчивым Богом.

Как я люблю их, объятых резьбою
Рам, драгоценные, чистые краски,
Что перешептываются с тобою
Запросто, не опасаясь огласки!

* * *

Это все, мой дружок, рукоделие —
Не полеты в парнасскую высь.
Два десятка стишков за неделю я
Накропал — и откуда взялись!

Потому ль, что пегасы стреножены
Или дряхлые музы почти
Обездвижены и обезвожены,
Что пишу я — не знаю, — прочти!

Но и чтение нынче убыточно —
Архаический, нудный процесс.
Стало иллюстративно-открыточно
Слово, свой потерявшее вес.

Да и мы, словно тени парящие
В беспробудном лирическом сне.
Так что, где те стихи *настоящие*,
Только призраки знают одне.

* * *

Музыку Баха любил, говорят,
Сильно его понимала.
Из мелкоты в первый выбился ряд
И заработал немало.

Странно, писанье стихов помогло
С орденской лентой и чином.
Волхов блестит, как живое стекло,
Бродят стада по лощинам.

Вот — идиллический жизни конец,
Пусть не Сабины — но Званка.
Слава-то как за щекой леденец,
Если б не юность-беглянка,

Если б не память Плениры драгой,
Если б еще были дети,
Если б времен беспощадной рекой
Все не смывалось на свете!

В «слоге забавном», не зная границ,
Пел ты, ревнуя, о многом.
Что ж, все еще величаешь фелиц,
Тайно беседуешь с Богом?

* * *

А. Пурину

Как же нам повезло появиться на свет
В безнадежное время глухих,
Ибо дела до нас никакого им нет,
Что бы ни проповедовал стих.

Бриллиантовым перстнем, лепажа стволом
Век унылый нас не наградит,
Не заметит усердия — и поделом,
Пусть свободное слово летит!

Ни контроля цензуры, пригляда царя,
Забудыжной толпы суеты,
Никакого мотива, потрачены зря
Сладкогласного дара труды.

Но зато уж и мысль бескорыстна вполне,
Чистый, не ангажирован звук,
И отчетлив в бескрайней ночной тишине
Звезд далеких, сердце перестук.

* * *

От меня вечер не Леила — Муза
Уходила молча: ни слов упрека,
Ни прощальной ласки. И дар — обуза,
Если ты, блуждая, забрел далеко.

Так далеко, что все земные дива,
Все творенья гениев скучны стали.
Как сказал, прощаясь, поэт красиво
Юркуну: *остались одни детали...*

Видишь ли, я думаю, все когда-то
Зарастает прошлым, как луг травой.
Старость — не награда и не расплата,
А побыть возможность самим собою,

Пусть недолго. Жить без далеких планов,
Без надежд особенных, без стремлений
Социальности, всех ее капканов.
И с тебя довольно, мой Добрый Гений!

СОДЕРЖАНИЕ

I

Памяти Василия Русакова

1. «Вот опять, прежде чем позвониться...»	4
2. «В последний день тогда в Афинах, сколько было...»	4
3. «Бродили вместе по Афинам...»	5
4. «Если свидеться снова, то только в Афинах...»	5
5. «Вот, значит, как. Вот, значит, это как...»	6
«Что добавилось к знанию юности: <i>ты умрешь</i> ...»	7
«Там, в памяти моей еще живут миры...»	8
«Видишь: жизнь и смерть в одном флаконе...»	9
«Я сидел и смотрел, как колышет кроной...»	10
«Уснуть — и видеть сны?.. Напрасные сомненья...»	11
«Все, о чем мы грезим за пределом...»	12

II

«Манит начало обещанием...»	14
«Просто выговориться дай!...»	15
«Как любить? Уважать? — Ну, допустим, жалеть...»	16
«Вот Фет или Кузмин умели воскрешать...»	17
«Вине с виной не подружиться...»	18
«Счастливая способность забывать...»	19
«Если б это мелькание дней...»	20
«Можно писать — и не писать...»	21
«Не холодней, скорее, тише...»	22
«Ах, когда на душе, на душе покой...»	23
«Только то, что исчезнет, и можно любить...»	24
«Все-таки через тринадцать лет...»	25
«Иногда мне снятся иные дали...»	26

III

«Человек встает, чистить зубы идет, зевая...»	28
«Что за мрак на улице, боже мой...»	29
«Гречишные поля, а дальше, в Барнауле...»	30
Бийск	31
«Никуда не спешить, чтоб с собою совпасть...»	32
«Спящая красавица проснется...»	33
«Может быть, просто должен тянуться звук?...»	34
«Вот и пережили мы книгу»	35
«Так волнуют рисунки эти...»	36
«Ему, в сущности, нечего нам сказать...»	37
Мать Тереза	38

IV

Рим

«Здесь прошлое себя забыть...»	40
«Рим с его тридцатью веками...»	40
«Твой конь подустал, как и всадник...»	41
«Не соблазненные ни роскошью, ни славой...»	42
«Они там, они там в полумраке...»	42
«Санта-Мария-сопра-Минерва...»	43
«Сетка капель мелких — трубит Тритон...»	43
В римских катакомбах	44
«До нас, как помнится, жизнь лишь при Антонинах...»	45
«Отдых на пути в Египет».....	45
«Не город — театр анатомический...».....	46
«Компостная яма культуры...».....	47
«Цивилизация с избыточностью всей...».....	48
Вилла Адриана в Тиволи	48
«Что же касается жизни, так называемой...».....	49
«Среди бесчисленных мертвых копий...»	50
«Когда огромный Рим стоял почти пустым...»	51
«В Риме — смотришь на небо Рима...»	51
«Полюбить невозможно, увя, — но забыть...».....	52

V

«Вращая памяти тугое колесо...»	54
«Жизнь о себе ничего не знает...».....	55
«Не исправить, не изменить...».....	56
«Временами мне кажется: вижу, как здания эти...»	57
«То ли лет через сто, то ли завтра уже...»	58
«Душа как будто знает что-то...».....	59
«В столетней одряхлевшей клетке...».....	60
«Мы не увидели Пальмиру...»	61
На погибель шедевров ассирийского искусства в Археологическом музее Мосула	62
«И хоть из драгоценных ее наследий...».....	63
«Пятнадцать минут нам дали...»	64
Давид Микеланджело	
1. «Герой, красавец, мальчик, царь...»	65
2. «В том-то и дело, что его тело...»	65
3. «Самодостаточность ни тленьем, ни сомненьем...».....	66
Медичи	
1. Старший	67
2. Il magnifico	67
3. Джан-Гастоне.....	68
«Сиенских мадонн узкоглазых...»	70

VI

«Ничего не осталось от прежней дачи...»	72
«А картошка опять фитофторой...»	73
«Лилии вот-вот раскроются...»	74
«Соловьи не о розах поют потому...»	75
«У соседа заваливается сарай...»	76
«Рай — это просто-напросто дача...»	77
«Утром жизнь словно льется по жилам...»	78
«Наливая воду из колодца...»	79
«Вот уж воистину чище алмаза...»	80
«В десять вечера свет в июне...»	81
«Всей силой ягодной земли...»	82
«И жалчей всего не эти слезы...»	83
«Испарились, как капли эфира...»	84

VII

«Похолодало. Включишь батарею...»	86
«Какими-то обрывками внутри...»	87
«Снился друг, что умер лет семь назад...»	88
«Без зубов и волос, без зубов и волос...»	89
«Любое пятнышко теперь...»	90
«Как хорош свинцовый отблеск этот...»	91
«Дней уходящих пустоцвет...»	92
«Называется «время дожития»...»	93
«Необъятного лета не стало...»	94
«Вдруг твои мысли, как в паутине...»	95
«Десять раз на дню меня пугает...»	96
«В утлой скорлупке тела...»	97
«Одуряющий запах сирени...»	98

VIII

«Можно ведь не писать стихов...»	100
«К сожаленью, тускнеет слово...»	101
«Накрапывал дождь, засыпая...»	102
«Первые строки обычно уже...»	103
В музее	104
«Это все, мой дружок, рукоделие...»	105
«Музыку Баха любил, говорят...»	106
«Как же нам повезло появиться на свет...»	107
«От меня вечор не Леила — Муза...»	108

Алексей МАШЕВСКИЙ
ЖИВОЕ

Корректор *С. Н. Павлюченкова*

Подписано в печать 15.11.2016. Формат 84 × 108^{1/32}.
Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro.
Объем 3,5 п. л. Тираж 200 экз.
Заказ № 502.

Оригинал-макет изготовлен и отпечатано
в ООО «ИПК «КОСТА»
СПб., Новочеркасский пр., д. 58, офис 413,
тел.: (812) 445-10-02

ISBN 978-5-91258-364-3

9 785912 583643